

Марина Ветрова

**Развод
с предателем.**
Я разрушу твою свадьбу
одной папкой!

Марина Ветрова

**Развод с предателем. Я разрушу
твою свадьбу одной папкой!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Развод с предателем. Я разрушу твою свадьбу одной папкой! /
М. Ветрова — «Автор», 2026

Я нашла в кабинете мужа приглашение на свадьбу. Его свадьбу. С другой женщиной! Моё имя в списке гостей было перечёркнуто красным маркером. Рядом — надпись: «Нежелательная персона». — Алиса, ты слишком скучная для моей новой жизни. Дарья даст мне деньги и связи! Семь лет я оплачивала мечты Виктора. Теперь он лишил меня работы, выгнал из дома и обвинил в краже чертежей. Но его главный инвестор Максим Волконский предложил мне работу. И вместе мы нашли документы, способные разрушить идеальную свадьбу предателя. Я приду туда, куда меня не приглашали. И когда жених увидит мою папку, вместо свадебного марша прозвучит совсем другая музыка.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Марина Ветрова

Развод с предателем. Я разрушу твою свадьбу одной папкой!

Глава 1

Пальто пахло дождём. Я держала его на сгибе локтя, прикрывая сумку, и шагала по коридору бизнес-центра «Невский», где офис Виктора занимал весь третий этаж. Семь лет. Семь лет я гладила его рубашки, готовила ужины после двенадцатичасовых смен в банке и терпела его вечное «я творю». Сегодня он улетал в командировку на неделю, а я зашла забрать свою куртку, забытую у него в кабинете. Заодно пожелать хорошего полёта. Мелочь. Последние недели мы разговаривали только о счетах и сроках; хотелось хотя бы увидеть его до отъезда.

Я толкнула дверь кабинета без стука. Мы всегда так делали: я заходила к нему, он поднимал глаза от чертежей и улыбался той самой, чуть снисходительной улыбкой человека, который знает, что мир вертится вокруг него. Но сегодня тишина была другой. Не уютной, а стерильной. Пустой.

Воздух внутри был прохладным, кондиционер гудел монотонно, заглушая любые звуки города за окном. На столе Виктора не было привычного хаоса: ни недопитого кофе в кружке с надписью «Best Architect Ever» (подарок моей мамы), ни разбросанных карандашей. Только идеально чистая поверхность из темного дуба и запах. Сладкий, приторный, удушливый. Дешевый парфюм с нотами ванили и мускуса. Он не принадлежал мне. Мой запах — это холодный металл и сандал. Этот запах кричал о молодости и наглости.

Мое сердце пропустило удар, потом забилось быстрее, отдавая гулом в висках. Я сделала шаг внутрь, чувствуя, как подошва туфли скрипнула по лакированному полу. У стола стоял второй стул. Раньше я всегда садилась на него, пока Виктор работал. Теперь даже подойти к нему было противно.

На краю стола лежала папка из крафтовой бумаги. Она выглядела слишком аккуратно для рабочих смет. Мои пальцы дрожали, когда я потянулась к ней. Логика шептала: это документы по новому проекту, реставрация особняка на Мойке. Просто проверь, может, там нужна моя подпись как арт-директора банка-кредитора. Но тело знало правду раньше ума. Кожа на предплечьях покрылась мурашками.

Я открыла папку. Внутри не было чертежей. Там лежало приглашение. Тяжелая бумага, тиснение золотом. Красивый, дорогой шрифт.

«Приглашаем вас на свадьбу Виктора и Дарьи».

Дата церемонии через три недели. Место проведения — «Астория», куда меня не пускали даже в качестве гостыи, потому что я «не в формате».

Воздуха не хватило. Я перевернула карточку. На обратной стороне был список гостей, написанный аккуратным почерком Виктора. Его почерком, который я узнавала среди тысяч других. Имя «Алиса» стояло в самом низу списка, но оно было жирно перечеркнуто красным маркером. Рядом приписка, сделанная тем же маркером, грубо, с нажимом, прорвавшим бумагу: «Нежелательная персона».

Это не ошибка. Это не шутка коллег. Это было физическое воплощение исключения. Меня вычеркнули. Не из отношений, а из жизни. Из истории, которую он писал.

Из-за двери смежной переговорной донесся смех. Звонкий, хриловатый женский голос. Дарья. Инфлюенсер, дочь того самого инвестора, который спонсировал стартап Виктора. Голос, который я слышала в соцсетях, но никогда не слышала так близко.

— Ты наконец-то бросил эту дуру ради моего отца? — спросила она. В ее интонации не было злобы, только скука и легкое презрение, как будто обсуждали старую мебель.

Ответ Виктора последовал почти сразу. Ленивый, расслабленный тон, который он использовал, когда чувствовал себя хозяином положения.

— Она сама виновата, что не поняла намёков. Скучная бухгалтерия вместо искусства. Алиса никогда не умела мечтать по-крупному, Даш. Она считала каждую копейку, пока мы строили будущее. Теперь будущее принадлежит мне.

Тошнота подкатила к горлу комом. Мне захотелось вырвать прямо здесь, на этот стерильный пол. Пальцы свело судорогой, я вцепилась в край стола, чтобы не упасть. Они говорили обо мне как о мусоре. Как о расходном материале. «Скучная бухгалтерия». Это слово резануло сильнее измены. За семь лет я стала для него функцией, а не человеком. Функцией, которая обеспечивала тыл, пока он играл в гения.

Я не кричала. Крик был бы подарком им. Подтверждением их правоты: истеричка, ревнивица, эмоциональная нестабильность. Вместо этого я медленно положила карточку обратно в папку. Аккуратно. Так, чтобы не шуметь. Прижала угол карточки пальцем, чтобы она не зашуршала. Имя, дата, место. Запомнить. Потом можно будет плакать, сейчас — запомнить.

Я повернулась к выходу. Ноги не слушались. Казалось, пол стал вязким, как болото. Каждый шаг давался с трудом, будто я шла против ветра ураганной силы. В коридоре, прямо перед дверью моего выхода, стояла Марина, секретарша Виктора. Она замерла, увидев меня. В ее глазах читалась жалость, смешанная со страхом. Страх перед тем, что сейчас произойдет взрыв.

— Алиса Сергеевна, — прошептала она, делая шаг навстречу, словно пытаюсь перекрыть собой путь в кабинет. — Вам лучше не заходить... он занят. Очень занятой человек.

Все знали. Все, кроме меня. Эта мысль ударила сильнее, чем слова Виктора. Я выглядела последней дурочкой в их театре абсурда. Женой, которая приносит ужин домой к мужу, строящему жизнь с другой.

Я выпрямила спину. Плечи расправились сами собой. Режим «арт-директор крупного банка» включился мгновенно, блокируя панику. Холод разлился по венам, заменяя жар унижения.

— Я просто забыла куртку, — сказала я ровным, бесцветным голосом. — Она моя.

Марина открыла рот, чтобы сказать что-то еще, но я уже прошла мимо нее. Не глядя на нее. Не давая ей шанса проявить сострадание. Сострадание мне не нужно. Мне нужны были ответы, а их не будет в этом офисе.

Я вернулась в кабинет. Виктор и Дарья вышли в переговорную, оставив дверь слегка приоткрытой. Их голоса звучали глуше, но отчетливо. На спинке стула висела моя куртка. Темно-синяя, демисезонная, практичная. А рядом, небрежно брошенный, лежал шарф Дарьи. Шелковый, с принтом леопарда. Два предмета одежды, принадлежащих разным женщинам, перемешанные в одном пространстве. Домашний уют превратился в публичный позор. Дарья бросила свой шарф поверх моего рукава. Даже повесить мою куртку отдельно Виктор не потрудился.

Я схватила куртку, а приглашение сунула в карман. Шарф не тронула. Пусть лежит там, где есть. Пусть он останется меткой моего презрения. Если они хотят играть в эти игры, пусть играют до конца. Я не буду стирать следы их грязных рук. Я просто уйду.

Выходя из кабинета, я почувствовала, что дверь не закрылась до конца. Щель в два сантиметра позволяла видеть часть интерьера и слышать разговор, ставший громче.

— ...и главное, не дай ей увидеть приглашение, — говорил Виктор. Его голос теперь звучал напряженно, расчетливо. — Если спросит, скажу: это черновик для тестирования дизайна. Она слишком умная, чтобы поверить в случайность, если увидит дату. Газлайтинг должен быть идеальным. Скажу, что это макет для конкурентов.

Он лгал. Прямо сейчас, за моей спиной, он планировал манипуляцию. Он собирался использовать мой же интеллект против меня. «Ты слишком умная, чтобы поверить в случай-

ность». Это значит, что он ожидает сопротивления. Ожидает, что я буду доказывать свою правоту, спорить, просить объяснений. Он готовился к войне, в которой у меня нет оружия, кроме фактов, которые он легко исказит.

Страх исчез. Полностью. На его месте осталась пустота и ледяной расчет. Я остановилась посреди коридора. Секунды текли медленно, как мед. Я понимала масштаб проблемы. Это не измена из страсти. Это не слабость характера. Это бизнес-план.

Глава 2

Я развернулась и пошла к лифту. Не оглядываясь. Не ускоряясь.

Стеклянная дверь лифта отражала коридор. Пока я ждала кабину, я посмотрела на свое отражение. Лицо было бледным, губы сжаты. Тушь потекла. Не от слез. От злости. От жара, который поднялся из живота к голове. Я достала салфетку и аккуратно стерла черные полосы под глазами. Макияж должен быть идеальным. Никогда не показывай им, что они тебя сломали.

И тут пазл сложился окончательно. Слова Дарьи про «отца». Виктор не любил ее. Он купил ее. Или она купила его. Это была сделка. Дарья получала красивую историю с талантливым архитектором, а Виктор получал финансирование и социальный статус, которого ему не хватало. А я? Я была временным активом. Балластом, который нужно было сбросить перед взлетом. Семь лет любви оказались семилетним контрактом на обслуживание амбиций.

Даже свадьба у них была частью сметы. Я вспомнила, сколько раз закрывала его долги, пока он ждал «достойного предложения». Дождался. За мой счёт.

Я нажала кнопку первого этажа. Цифры на табло начали меняться с бешеной скоростью: 3, 2, 1. Но мне казалось, что я падаю в бесконечную шахту. Воздух становился разреженным. На самом дне этой шахты меня ждала не смерть. Там ждал кто-то другой. Кто-то, кто знает цену таким, как Виктор. Кто умеет считать деньги и людей одинаково холодно.

Двери лифта открылись на первом этаже. Толпа людей хлынула наружу, но я осталась внутри, дожидаясь, пока они все выйдут. Внизу, в холле, меня встретил портье. Он смотрел на меня с вопросом, ожидая, что я заплачу или закричу.

— Добрый день, Алиса Сергеевна, — сказал он вежливо.

— Добрый день, Сергей, — ответила я. Голос дрогнул лишь на последнем слоге. — Вызовите такси.

Пока я ждала машину, телефон в сумке завибрировал. Сообщение от Виктора: «Любимая, я лечу. Не скучай. Целую».

Я посмотрела на экран. Потом заблокировала его и выбросила телефон в глубь сумки. Больше никаких иллюзий. Никаких «скучай».

Такси подъехало быстро. Водитель молча открыл заднюю дверь. Я села, захлопнула дверь и выдохнула. Запах кожи салона, шум мотора, вид на Невский проспект сквозь тонированное стекло. Город жил своей жизнью, равнодушный к моей катастрофе.

Машина тронулась, и я почувствовала вибрацию мотора через спинку сиденья. Мир качнулся. Но я держалась.

В зеркале заднего вида я видела свои глаза. В них больше не было страха. Там был голод. Голод на справедливость. Голод на месть. Голод на то, чтобы доказать этому миру, и прежде всего себе, что меня нельзя списать.

Я достала блокнот и ручку. Открыла первую страницу. Написала дату. Время. Место. Список имен. Виктор. Дарья. Инвестор. Банк. Проект.

Если он хотел играть в дизайн черновиков, я стану его худшим критиком. Если он хотел газлайтинга, я дам ему такой свет, что он ослепнет.

На первой странице блокнота остались пять пунктов. Начну с них. Хотя бы это я ещё могла сделать.

В такси я снова слышала голоса за дверью. После того как я забрала куртку, уйти сразу не получилось. Запах ванили ударил меня в лицо, как пощечина. Сладкий, приторный, чужой — Дарья не просто была здесь, она метила территорию своим парфюмом, оставляя его на воздухе, на мебели, на жизни Виктора. Я стояла за тяжелой дубовой дверью кабинета, и ноги мои превратились в вату. Хотелось толкнуть плечо внутрь, ворваться, выцарапать им глаза, но тело отказалось слушаться. Паралич воли сковал челюсть. Я прижалась спиной к прохладной стене

коридора, дыша ртом, чтобы не издать ни звука, пока внутри раздался смех. Низкий, бархатный бас Виктора. Голос, которым он обычно шептал мне «спи», обнимая сзади. А теперь он говорил:

— ...и эта дура даже не заметила. Она всегда была слишком занятой собой, чтобы видеть правду.

Ногти впились в ладони до боли. Инстинкт самосохранения, холодный и расчетливый, прошептал: «Не давай им удовлетворения». Не давай им своей истерики. Я сделала шаг назад, в темноту коридора, где эхо шагов уборщицы создавало иллюзию присутствия других людей. Я не была одна. И я не была жертвой. Пока.

Дверь щелкнула, открываясь на секунду. Вышел курьер с папкой. Резко повернувшись к окну, я уставилась на Неву, хотя перед глазамиплыли черные пятна от слез, которые я запретила себе плакать.

— Вы ждете? — бросил курьер странный взгляд.

Я кивнула холодно, игнорируя вопрос. Он исчез. Дверь закрылась. Моя цель изменилась. Мне нужно было услышать имена инвесторов. Понять, кто платит за эту свадьбу. Кто финансирует предательство.

Голос Дарьи стал громче, пробиваясь сквозь дерево:

— Папа сказал, если ты не разведешься до конца месяца, грант аннулируют. Ты же не хочешь потерять особняк на Мойке? Тебе нужны папины деньги, а ему нужна красивая история для инвесторов. Идеальная сделка.

Сделка. Не любовь. Не страсть. Бухгалтерия. Я попыталась податься ближе к щели под дверью, но пол скрипнул под моей туфлей-лодочкой. Разговор внутри оборвался. Тишина пугала больше шума. Я замерла, ожидая удара ногой в дверь или крика, но слышала только шорох бумаги. Они не испугались. Они просто перешли на следующий пункт плана.

Виктор вышел в коридор, застегивая манжеты рубашки. Он увидел меня. На его лице не было вины. Только раздражение и легкая брезгливость, как будто он обнаружил таракана на столе.

— Алиса, мы говорили, что я занят проектом, — произнес он, глядя поверх моей головы, на часы над лифтом.

Он не спросил, почему я здесь. Он сделал вид, что мое присутствие — ошибка логистики, а не эмоциональная драма. Это унижало сильнее любой измены. Для него я уже не человек. Я функция, которую можно удалить из системы.

— Это моя жизнь, Виктор, — мой голос сорвался, хриплый и жалкий. Я достала из кармана смятое приглашение. Бумага дрожала в пальцах.

Он забрал листок у меня из руки, аккуратно разгладил складки и сунул обратно мне в карман куртки.

— Это бизнес-план, Алиса. Не путай личное с рабочим.

«Бизнес». Слово повисло в воздухе, лишая меня права на чувства. Земля ушла из-под ног.

В дверном проеме появилась Дарья, опираясь бедром о косяк. Она улыбнулась мне так, будто мы старые подруги, встретившиеся после долгой разлуки.

— Ой, Алиса! Как хорошо, что ты зашла. Мы как раз обсуждали твой вклад в ремонт кухни. Вика, скажи ей спасибо.

И тут меня осенило. Ледяная волна прошила позвоночник. Они не прячутся. Они играют роль. Пока я слушала у двери, Виктор готовил оправдание. Теперь, увидев меня, даже оправдываться не захотел. Им было удобно, если я испугаюсь и уйду сама. Без вопросов о деньгах.

Я развернулась и пошла к лифту, оставляя за спиной звук захлопывающейся двери и тихий смех Дарьи. В зеркале лифта я увидела не жертву. Я увидела человека, у которого закончились слезы. Осталась только холодная ярость.

Глава 3

Виктор никуда не улетел. Дома он встречал меня с фарфоровой чашкой в руке. Пар от чая поднимался тонкой струйкой, и этот запах — бергамот, мёд, уют — был таким же фальшивым, как его улыбка. Я стояла посреди гостиной, сжимая в потной ладони приглашение на свадьбу, где моё имя было перечеркнуто жирным красным маркером.

— Алиса, ты вся красная. Сядь, — он протянул мне чай, даже не повышая голоса. Никакого крика, никакого «ты всё видела?!». Только спокойствие человека, который уже проиграл, но решил сделать вид, что партии не было.

Я не села. Руки дрожали так сильно, что чашка звякнула о блюдце, когда я попыталась взять её.

— Что это? — спросила я, кивая на бумагу. Голос сорвался на визг, и я сама испугалась этого звука. Он звучал жалко. Ненормально.

Виктор вздохнул, будто я помешала ему прослушать важную лекцию. Он забрал у меня из рук приглашение, развернул и бросил на стол рядом с ноутбуком.

— Это черновик, деточка. Пиар-ход для Дарьи. Ты же знаешь, как работают инфлюенсеры? Ей нужен скандал, чтобы разогнать охваты перед запуском нового бренда косметики. Мы с ней просто партнёры по этому проекту. А эта дурацкая надпись... — он усмехнулся, поправляя очки. — Она любит драму. Я сказал ей убрать твоё имя, чтобы не провоцировать тебя. Но она забыла отправить финальную версию юристам. Всё решается одним звонком.

Мир качнулся. Черновики? Пиар?

— Там дата церемонии через три недели, Виктор! И список гостей! Там нет ни одного моего знакомого, только твои инвесторы и её блогеры!

Он достал телефон и быстро ткнул пальцем в экран, затем повернул его ко мне. На фото была я. Снятая скрытой камерой или случайно: я сидела в офисе банка, прижав руки к лицу, глаза закрыты, плечи опущены. Выглядела я измождённой. Разбитой.

— Коллеги уже обсуждают твой нервный срыв на планёрке, — мягко сказал он. — Твой начальник говорил со мной вчера. Он боится, что ты нестабильна. Что можешь навредить репутации банка. Я защищаю тебя, Алиса. Я пытаюсь сохранить твою карьеру, пока ты устраиваешь истерики из-за выдуманных проблем.

Где-то внутри меня щёлкнуло. Ощущение реальности размывалось, как акварель под дождём. Может, я действительно сумасшедшая? Может, я придумала измену, потому что завищую молодости Дарьи?

Из-под стола донёсся тихий скулеж. Хаски, наш общий питомец, дрожал всем телом. Он чувствовал то, чего не чувствовали люди: электричество лжи, которое наполняло комнату. Животное инстинктивно тянулось к двери, к выходу, к свободе.

Я сделала шаг к собаке, пытаясь схватить поводок, лежащий рядом с ним. Мне нужно было уйти. Нужен был воздух.

Виктор мгновенно оказался между мной и дверью. Его рука легла мне на плечо — не нежно, а фиксирующе. Как у хирурга, проверяющего пульс пациента перед операцией.

— Куда ты собралась? Собака остаётся здесь. Она часть моего имиджа семейного архитектора. Инвесторы любят хаски. Они ассоциируются с верностью и домом. Ты не имеешь права забирать имущество без моего согласия.

— Пусты! — я рванулась. Ногти Виктора впились мне в кожу, оставляя красные полосы. Я дернулась сильнее, и моя рука ударила в острый край металлической накладки у дверной ручки. Боль пронзила запястье, острая, ясная, реальная. Кровь хлынула тонкой струйкой, капая на светлый паркет.

Это был единственный настоящий момент за весь вечер. Боль доказывала, что я существую.

Я успела повернуть ручку, и дверь открылась раньше, чем мы успели договорить. В коридоре стояла наша соседка, тётя Галя, с пакетом мусора. Она замерла, глядя на мою окровавленную руку и на то, как Виктор обнимает меня за плечи, словно утешая плачущего ребёнка.

— Ох, Алиса, ну что опять? — сочувственно, но с осуждением протянула Галя. — Опять эти ваши драмы? Виктор, милый, вы же такой терпеливый муж. У вас же проект горит, а жена нервы треплет.

Виктор улыбнулся ей той самой улыбкой победителя. Обнял меня крепче, прижимая к своему боку так, чтобы все видели: я не могу вырваться.

— Мы просто решаем финансовые вопросы, дорогая. Алиса немного расстроена из-за работы. Всё нормально, правда, любимая?

Я молчала. Кричать было нельзя. Если я начну орать, я стану той самой истеричкой с фотографии. Я стану сумасшедшей женой, которая мешает гению строить будущее. Значит, я должна молчать. Значит, я согласна с тем, что меня ломают.

Я резко вырвалась. Слишком резко. Моя свободная рука толкнула Виктора в грудь, и он сделал шаг назад, сохраняя дистанцию, но не теряя контроля над ситуацией. Галя покачала головой, закрывая дверь своей квартиры. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Мы вернулись в гостиную. Тишина стала плотной, давящей. Виктор сел напротив меня, сложив руки на столе. Поза отца, воспитывающего неразумного ребенка.

— Давай честно, Алиса, — начал он тихо. — Семь лет вместе. Что ты дала мне кроме денег? Поддержку? Нет. Ты всегда считала себя умнее. Твои банки, твои отчеты, твои перфекционистские тараканы. Я строил дома, которые будут стоять веками, а ты боялась, что я не заплачу за коммуналку вовремя. Ты эгоистка. Ты никогда не смотрела на меня как на мужчину, только как на функцию.

Его слова сыпались на меня, как град. Я пыталась найти дыру в этой речи, логическое противоречие. Но он подменял одно другим: я напоминала о коммуналке — значит, не любила его. Я давала деньги — значит, считала его функцией. В этой речи для меня не было хорошего ответа.

— А Дарья? — спросила я хрипло.

Виктор рассмеялся. Коротко, сухо.

— Дарья — это бизнес-проект, Алиса. Ты же знаешь, как работают гранты на реставрацию исторических памятников. Нужна «молодая муза», нужна история любви для прессы, чтобы получить финансирование от отца Дарьи. Я делаю это для нашего будущего. Для того дома, который мы построим после того, как я получу контракт. Ты отказываешься видеть картину целиком. Ты мелочная.

«Для нашего будущего». Фраза повисла в воздухе, абсурдная и тошнотворная. Он использовал мою любовь как топливо для своего мошенничества.

Я потянулась за телефоном, лежавшим на журнальном столике. Мне нужно было позвонить кому-то. Юристу. Подруге. Полиции. Любому живому человеку, который подтвердит, что я не схожу с ума.

Виктор среагировал быстрее, чем я успела моргнуть. Он перехватил мой телефон.

— Тебе нужен детокс, — сказал он, и в его глазах не было злости, только холодный расчет.

Он ударил телефон об угол стола. Один раз. Экран разлетелся паутинкой трещин, пластик корпуса хрустнул. Телефон упал на пол. Экран погас, потом снова засветился под паутинкой трещин.

— От всех этих связей, которые травят тебя. Завтра я отвезу тебя к врачу. Хорошему. Психиатру, если потребуется. Ты больна, Алиса. Это не злоба. Это диагноз.

Я смотрела на разбитый телефон. На кровь на своих руках. На Виктора, который уже отвернулся и проверил почту на ноутбуке, даже не дожидаясь моей реакции. Ему было всё равно, сломана ли я физически, лишь бы я была сломана психологически. Лишь бы я верила в его версию реальности.

И тут произошло странное. Внутри меня что-то умерло. Не надежда, не любовь — они умерли еще в тот момент, когда я увидела маркер на имени. Умерла часть меня, которая искала объяснений. Которая хотела понять почему.

Объяснений не было. Был только алгоритм самооправдания. Виктор не человек, с которым можно договориться. Он зеркало собственного эго, отражающее любые удобные для него факты.

Я медленно встала. Ноги гудели от напряжения. Я прошла мимо него, не задев ни рукой, ни взглядом. Прямо в ванную.

Заперла дверь. Повернула ключ. Щелчок был громким, окончательным.

Здесь было безопасно. Здесь не было его слов.

Я включила воду. Холодная струя ударила по порезам на запястье. Я смывала кровь, наблюдая, как розовые разводы исчезают в стоке. Потом посмотрела в зеркало. Глаза были сухими. Лицо каменным. Ни следа истерики, ни капли слез. Только ледяная ясность.

Я больше не жена. Я наблюдатель. И теперь я буду ждать.

Через тонкую дверь ванной я услышала голос Виктора. Он говорил по телефону, шепелявя, смеясь тем самым бархатным смехом, который раньше сводил меня с ума.

— Да, она успокоилась. Заперлась в ванной. Плачет, наверное... Нет, слушай, Дарья, не переживай. Я скажу, что она согласна на раздел имущества. Пока я не найду способ доказать, что чертежи особняка были украдены ею. Тогда банк заморозит её активы, и она станет гораздо разговорчивее.

Смех за дверью затих.

Он уже писал сценарий моего конца. Но он ошибся в одном. Он думал, что загнал меня в угол. А я просто закрыла дверь, чтобы начать новую игру.

Глава 4

На следующее утро секретарь Лена, которая приносила мне кофе без сахара каждое утро понедельника, смотрела на меня так, будто в моей сумке лежала бомба.

— Алиса Сергеевна, у нас приказ. Эмоционально нестабильные сотрудники не допускаются в зону бэк-офиса до окончания служебного расследования. Виктор Сергеевич уже оставил жалобу на ваше преследование.

Её голос был ровным, как стекло. Идеальная корпоративная броня. Она даже не моргнула, когда я шагнула ближе, чувствуя запах её духов — дешевый «Шанель», который она покупала на распродаже. Семь лет я платила за её обучение и курсы английского. Семь лет считала её подругой. А теперь она была стеной.

— Пропустите меня, Лена, — сказала я тихо, но так, чтобы это слышал каждый в холле. — Мне нужно забрать куртку. И мой ноутбук.

— Я вызову охрану.

Я не стала спорить. Спорить с системой бессмысленно, если ты не знаешь правил игры. Я развернулась на каблуках, ощущая, как спина горит от взглядов коллег, которые толпились у ресепшена, делая вид, что читают новости. Они ждали шоу. Ждали истерики.

Но я не дала им ни капли слезы. Вместо этого я пошла к служебному входу, где обычно провозили документы для архива. Ключ-карта все еще работала. Система не успела обновиться. Это было моим первым маленьким триумфом: их бюрократия была медленнее моего отчаяния.

Лифт пах дезинфекцией и чужим страхом. Двери почти закрылись, когда в кабину просочилась Катя из отдела маркетинга. Та самая Катя, с которой мы вчера обсуждали меню на новогодний корпоратив. Она увидела меня и побледнела. Не от шока. От облегчения.

Она быстро переключилась на другого пассажира — стажера Пети, который робко стоял в углу.

— Ты слышал? — шепнула она, хотя шепот этот резал уши острее крика. — Она опять устроила цирк. Говорят, Виктора чуть не убила ножницами. Теперь всех нас подставит перед инвесторами. Из-за неё наш проект могут заморозить.

Петя кивнул, опустив глаза. Он боялся. Боялся заразиться моим позором.

Я посмотрела на свое отражение в зеркальной стенке лифта. Тушь размазалась по нижнему веку, губы потрескались, костюм смят после бессонной ночи. Но глаза... Глаза были холодными.

Социальный капитал обнулен, — пронзила мысль. Ты больше не человек. Ты проблема.

Двери открылись на моем этаже. Я вышла первой, не дожидаясь разрешения Кати. Пусть она объясняет Пете свою лояльность системе.

Мой стол выглядел как место преступления. На нем лежал только один предмет, которого там не должно было быть. Распечатка. А4. Черный текст на белом фоне.

Я подошла ближе, чувствуя, как сердце пропустило удар. Это была переписка. Скриншот из рабочего чата банка, где обсуждался ребрендинг. Но между строк о бюджетах висело сообщение от Виктора, отправленное в 3:12 ночи.

«Дарья права. Эта дура слишком токсична. Она мешает мне сосредоточиться на гранте. Нужно нейтрализовать угрозу до конца недели. Пусть уволится сама или через HR. Я обеспечу давление на инвесторов».

Вокруг стола собрались трое моих прямых подчиненных. Они не пытались скрыть взгляд. Они смотрели на меня с любопытством гиен, почуявших кровь.

— Красиво, — произнесла одна из них, Юлия, поправляя очки. — Виктор всегда говорил, что ты его тормозишь. Оказывается, он был прав.

Гнев вспыхнул внутри, горячим и слепым, но я прижала ладонь к столу и заставила себя стоять на месте. Если я сорвусь сейчас, они получают свою картинку. Истеричка, уничтожающая документы.

Я достала телефон. Руки дрожали, но пальцы нашли нужную функцию. Щелчок. Второй. Третий. Фото распечатки. Фото лиц этих людей, наблюдающих за мной.

— Вы можете идти работать, — сказала я ровно. — Или вы хотите, чтобы я добавила ваши фото в общую папку «Доказательства»?

Юля хихикнула, но звук вышел нервным. Они разошлись. Но я видела, как один из них быстро набрал сообщение. Кто-то звонил Марине.

Через десять минут меня вызвали в кабинет HR-директора. Марина сидела за своим стеклянным столом и пила воду из хрустального стакана. Она выглядела спокойной, ухоженной и абсолютно равнодушной ко мне.

— Алиса, присаживайся. Нам нужно обсудить твое будущее.

— У меня есть будущее, которое начинается с того, что я подаю заявление на увольнение по собственному желанию? — спросила я, не садясь.

Марина вздохнула, будто я доставляла ей неудобство своей глупостью.

— Банк не может рисковать репутацией. Виктор Сергеевич — ключевой партнер наших архитектурных консорциумов. Его жалобы на твое поведение... эскалировали. Инвесторы нервничают. Мы предлагаем соглашение о взаимном уважении.

Она придвинула ко мне бумагу.

— Увольнение по собственному желанию. Выплата двух окладов. Плюс рекомендательное письмо, где сказано, что ты ушла из-за личных обстоятельств. Взамен ты подписываешь NDA и обязуешься не комментировать ситуацию в соцсетях и СМИ. Молчишь — получаешь деньги и чистую биографию. Шумишь — мы найдем способ уволить тебя по статье за прогулы и порчу имущества.

Порча имущества? Мой ноутбук? Мои файлы?

— Это шантаж, — констатировала я.

— Это бизнес, — поправила Марина. — Ты умная женщина, Алиса. Зачем тебе война, которую ты уже проиграла? Подписывай. Два оклада — это около миллиона рублей. Хорошая подушка для старта новой жизни.

Я взяла ручку. Палец завис над бумагой. Миллион. За молчание. За то, чтобы я признала себя виноватой. За то, чтобы они вытерли обо мне ноги и сказали спасибо.

Нет.

— Я требую официальной записи в трудовой книжке, — сказала я, кладя ручку обратно. — С указанием причин увольнения. И объяснения, на каком основании мои действия квалифицируются как нарушение трудовой дисциплины, если я исправно выходила на работу все эти дни.

Марина посмотрела на меня как на ребенка, который отказывается есть суп.

— Ты усложняешь жизнь себе, Алиса.

— Нет, — ответила я. — Я усложняю жизнь вам. Потому что я не собираюсь исчезать тихо.

Она нажала кнопку на телефоне.

— Приведите службу безопасности. И Игоря.

Игорь, мой непосредственный начальник, вошел следом за двумя охранниками в черных пиджаках. Лицо у него было каменным.

— Алиса, мы не можем позволить тебе тянуть компанию в грязь. Твой KPI за последнюю неделю упал на сорок процентов. Ребрендинг висит на волоске. Ты потеряла фокус.

Он показал мне отчет на планшете. Цифры красные. Провал.

— Это ложь! — голос сорвался, превращаясь в визг. Я почувствовала, как краска стыда залила щеки. — Я работала ночами! Я сдавала проекты вовремя! Это вы манипулируете цифрами, потому что Виктор заплатил вам за мою голову!

Тишина в кабинете стала оглушающей. Игорь смотрел на меня с сочувствием, смешанным с отвращением. Охранники переглянулись.

— Уведите ее, — сказал Игорь. — Мягко. Но решительно.

Один из охранников, крупный мужчина с запахом табака и пота, шагнул ко мне.

— Пойдемте, гражданка. Вам нужно сдать бейдж и доступ к серверу.

Он протянул руку к моему локтю. Хватка была грубой, уверенной.

— Не трогайте меня! — Я резко дернула плечом, вырываясь. Сердце колотилось где-то в горле.

Я отступила к стене, доставая телефон. Экран светился ярче, чем лица вокруг.

— Я вызываю полицию. Физическое применение силы к сотруднику в рабочее время.

Игорь фыркнул.

— Полиция? Чтобы доказать, что ты неадекватна? Посмотри на себя, Алиса. Ты дрожишь. Ты кричишь. Ты уже похожа на сумасшедшую.

Он был прав. И именно эта правда была самым страшным оружием против меня. Если я буду сопротивляться физически, я стану тем самым монстром, которым они хотят меня представить. Если я уступлю — они сломают меня окончательно.

Я медленно опустила телефон. Взяла свой бейдж с шеи. Положила его на стол Марины. Застегнула куртку.

— Я заберу свои вещи. И юриста.

Я вышла из кабинета, чувствуя спиной их взгляды. Облегчение? Нет. Холод.

Коридор пустого этажа гулко отзывался шагами. Я шла к лифту, держа в руках коробку с личными вещами: кружка с надписью «Best Boss», которая теперь казалась издевательством, блокнот, зарядка.

У лифтов меня перехватила Марина. Она шла рядом, быстрым шагом, не глядя на меня.

— Виктор заплатил за то, чтобы ты ушла красиво, — прошептала она. Её голос был тихим, интимным, будто мы делили секрет. — Если ты начнешь войну в соцсетях или судах, мы найдем способ. Ты же умная женщина, Алиса. Не будь жертвой обстоятельств.

Она остановилась у стеклянной перегородки.

— Это не защита бизнеса. Это заказная ликвидация, — сказала я, наконец понимая масштаб. Виктор использовал свои связи и для личной жизни, и для уничтожения моей карьеры. Мой профессионализм стал мишенью.

Марина пожала плечами и повернула к своему кабинету.

Я стояла посреди опустевшего этажа, ожидая лифта. Коробка давила на руки. Голова раскалывалась. Я проиграла битву за справедливость здесь. Поле боя изменилось.

Телефон в кармане завибрировал. Один короткий импульс.

Я достала его, ожидая сообщения от юриста или, возможно, очередную мерзость от Виктора.

На экране появился незнакомый номер. Сообщение было коротким, без приветствия.

«Я видел твою реакцию на их методы. Ты слишком хороша, чтобы быть их пешкой. Жду в "Гранд Отеле", столик 12. Максим.»

Лифт открылся. Внутри было пусто и холодно. Я сделала шаг вперед, не оглядываясь на этаж, который только что выплюнул меня наружу.

Глава 5

Стекло турникета было холодным и равнодушным. На следующий день я попробовала приложить ключ-карту служебного входа — привычный жест, отточенный за семь лет работы в этом банке до автоматизма. Красная лампочка мигнула один раз, коротко и резко, как удар хлыста. Зазвенел тихий сигнал отказа.

— Извините, Алиса Сергеевна, — охранник не смотрел мне в глаза, его взгляд скользил по моему лицу, будто я была чужой или, что хуже, заразной. — Система блокировки активирована приказом сверху. Пропуск деактивирован.

Сердце пропустило удар, а потом заколотилось так, что заложило уши. Я сунула телефон под нос мужчине в униформе.

— Позвони Стасу. Сейчас же. Скажи, что это ошибка. Презентация ребрендинга только завтра. Если меня выкинут сейчас, кто передаст макеты и согласует их с заказчиком?

Охранник вздохнул, потянулся к трубке внутреннего телефона, но тут же убрал руку.

— Стас Валерьевич просил не беспокоить его. Он на совещании по кризисным ситуациям. Тема закрытая.

Кризисным ситуациям. Это значит — обо мне.

Я не стала ждать. Гнев — плохой советчик, но хороший двигатель. Я развернулась и пошла к служебному входу, который обычно использовали курьеры. Охрана попыталась преградить путь, но я нырнула в боковую дверь пожарной лестницы, где пахло пылью и старым линолеумом. Ноги горели, когда я поднималась на пятый этаж, игнорируя боль в коленях. Кабинет Марины Сергеевны, HR-директора, был последней инстанцией.

Марина не удивилась моему появлению. Она даже не подняла головы от монитора, пока я тяжело дышала, стоя посреди её стерильного кабинета. На столе лежала распечатка. Не письмо, не протокол. Распечатка переписки.

— Сядь, Алиса, — голос Марины был мягким, как атлас, обтягивающий гроб. — Тебе нужно успокоиться. Ты выглядишь... нестабильно.

— Мне нужно объяснение, почему мой доступ заблокирован без уведомления профсоюза, — выплюнула я, садясь на край стула, чтобы не рухнуть.

Марина повернула монитор ко мне. Там, в чатах Виктора с инвесторами, его почерк (он любил писать от руки и сканировать) гласил: «Бывшая сотрудница А.В. проявляет признаки агрессивной истерии. Угрожает имиджу компании. Рекомендую немедленное удаление токсичного элемента».

Токсичный элемент. Семь лет ночей над бюджетами, семь лет, когда я таскала на себе его дурацкие проекты, потому что он «не умеет считать деньги», а я «должна помогать любимому». И вот итог.

— Банк не может терпеть людей, которые создают хаос вокруг себя, Алиса, — сказала Марина, глядя на мои трясущиеся руки. — Виктор предоставил доказательства. Ты краля интеллектуальную собственность. Чертежи реставрации особняка на Мойке. Перед тем как уйти, ты забрала файлы.

Меня замутило.

— Это ложь! Эти чертежи мы делали вместе! Я их систематизировала, но авторство...

— Юристы уже составили иск о защите коммерческой тайны, — перебила она холодно. — Если ты подпишешь заявление по собственному желанию прямо сейчас, мы не будем инициировать проверку твоих личных устройств и банковских переводов. Если нет — полиция будет здесь через час. Выбор за тобой, моя дорогая. Или репутация, или свобода.

Я посмотрела на ручку на столе. Чёрная, блестящая. Репутация? Какую репутацию? Ту, которую он только что уничтожил? Ту, которая зависела от того, что он считал меня «удобной женой»?

Я взяла ручку. Пальцы не слушались, но я вывела свою фамилию. Подпись. Дата.

Марина удовлетворённо кивнула, убирая бумагу в сейф.

— Личные вещи можно забрать. Охрана проводит тебя к столу.

Коридор пятого этажа встретил меня тишиной, но этой тишины не существовало. Коллеги, которые обычно здоровались со мной, отводили глаза. Кто-то шептался у кулера. Я чувствовала физическое давление взглядов, как мухи, слетевшиеся на падаль. Они уже знали. Новости в корпоративном мире распространяются быстрее света.

Я подошла к своему рабочему месту. Стол был пуст. Монитор выключен. Только коробка для документов, которую мне разрешили открыть под присмотром молодого стажера, явно неприятно смущенного ситуацией.

Внутри лежали оставшиеся блокноты и забытая визитка. Её я нашла в кармане своей куртки, когда забирала ту из офиса Виктора. Сунула в сумку, а вчера, собирая вещи со стола, переложила к бумагам.

На плотной матовой бумаге золотым тиснением значилось: «Максим Волконский. «Северный Строй», холдинг «Аврора Групп»». А ниже, от руки, жирным маркером, чернилами цвета крови: «Качество важнее красоты».

Странная фраза. Нелепая. Но она зацепила мозг, как крючок. Виктор всегда говорил, что красота — это главное оружие женщины. Что если ты красива и удобна, мир прощает тебе ошибки. Максим, судя по всему, думал иначе.

— Алиса Сергеевна, давайте закончим, — поторопил стажер.

Я схватила коробку и вышла. В лифте было темно. Двери сомкнулись, и кабина дрогнула, остановившись между этажами. Свет мигнул и погас. Тишина стала оглушающей.

Паника подступила к горлу комком. Вспомнилось лицо Виктора, когда он разбил экран моего телефона позавчера: «Ты истеричка, Алиса! Тебе нужна помощь!» Мир сжимался до размеров этой темной коробки. Я задыхалась. Воздуха не хватало.

Дыши, — приказала я себе. Раз, два, три. Четыре.

Я достала телефон. Экран был разбит, сеть ловила через раз, но в углу мигнул значок сообщения. От неизвестного номера. Текст был сухим, властным, без приветствий:

«Виктор празднует помолвку в "Гранд Отель". Ты там лишняя. Но ты можешь стать нужной кому-то другому. Жду ответа.»

Отправитель не указан. Но тон... Этот тон не оставлял места для жалости. Это был язык силы.

Лифт вздрогнул и пополз вниз. Когда двери открылись, в холле первого этажа меня ждал Виктор. Он стоял у колонны, поправляя манжету рубашки. Дорогой костюм, уверенная осанка, победная улыбка человека, который только что перерезал нити марионетки.

— Алиса, — начал он, подходя ближе. Его запах парфюма смешался с запахом чужих духов, который я учуяла несколько дней назад. Теперь этот запах вызывал не боль, а тошноту. — Ты выглядишь ужасно. Зачем было устраивать эти сцены в офисе? Мы могли решить всё тихо.

Он протянул руку.

— Ключи от квартиры. Мне нужны мои ключи. Я переезжаю к Даше. Нам нужно пространство.

Все эти годы я носила связку ключей на шее, под блузкой. Холодный металл против кожи. Ключи от нашего дома. Он хотел оставить меня снаружи, а сам уже говорил о «пространстве» для Даши.

Я молча сняла цепочку. Руки не дрожали. Внутри меня была пустота, такая глубокая и звенящая, что туда падали все его слова, все его оправдания, и они исчезали без звука.

Я вложила ключи ему в ладонь. Он взял их, довольный собой.

— Тебе будет тяжело одной, Алиса, — сказал он мягко, почти заботливо. — Мир жесток к женщинам без мужчины, без поддержки, без денег. Может, я смогу помочь тебе найти работу попроще? Секретарем, например?

Я посмотрела ему в глаза. Впервые за много лет я видела его таким, какой он есть: маленьким, трусливым мальчиком, прячущимся за маской успеха.

— Мир жесток к лжецам, Виктор, — произнесла я ровно. — А я просто свободна.

Я прошла мимо него, толкнула тяжелые стеклянные двери и вышла наружу.

Санкт-Петербург встретил меня серой стеной дождя. Холод пробрался под одежду мгновенно. Такси не было. Ни одного желтого огонька в потоке машин. Баланс на карте был нулевой после оплаты штрафов за его «ошибки» в прошлом месяце. Иск от банка висел над головой дамокловым мечом.

Я стояла на мокром тротуаре, чувствуя дно. Полное, абсолютное дно.

В голове вспыхнули цифры из SMS. Номер Максима. Тот самый, с визитки.

Инстинкт самосохранения — штука странная. Иногда он заставляет прятаться, а иногда — бежать в атаку, даже если ноги не держат. Я набрала номер. Палец соскользнул с экрана из-за воды, но я поймала кнопку вызова.

Гудки шли бесконечно долго. Один. Два. Три.

— Слушаю, — голос был низким, бархатистым и абсолютно спокойным. Никакого ожидания, никаких вопросов. Просто констатация факта связи.

— Это Алиса, — мой голос сорвался, но я заставила себя говорить четко. — Та, которая стоит под дождем и не имеет ни гроша за душой.

Пауза длилась секунду. Потом последовал вопрос, который ударил точнее любого обвинения Виктора:

— Вы готовы перестать быть жертвой обстоятельств и начать контролировать хаос?

Я замерла. Дождь барабанил по капюшону.

— Я ишу человека, который умеет видеть ложь в документах, — продолжал Максим. — Не красоту. Не эмоции. Факты. Приезжайте в мой офис через час. Адрес продиктую. Если опоздаете — дверь закроется навсегда. Для вас и для меня.

Это не было предложением помощи. Это было испытанием. Проверкой на прочность. Он не спрашивал, хочу ли я жить. Он спрашивал, хочу ли я бороться.

— Я буду через сорок минут, — ответила я.

— Жду, — линия оборвалась.

Я подняла голову. В окне проезжавшего мимо такси отражалось моё лицо: размазанная тушь, бледные губы, мокрые волосы. Но глаза... Глаза горели. В них не было страха. Был голод. Голод справедливости. Голод власти.

Водитель открыл дверцу.

— Куда едем, госпожа?

Я назвала адрес офиса Максима. Впервые за эти дни я ехала не домой, где меня ждали только пыль и предательство. Я ехала в бой. Но обещание приехать через сорок минут прозвучало увереннее, чем я себя чувствовала.

Глава 6

До офиса Максима я так и не доехала: в очереди кадрового центра ещё казалось, что я могу найти работу без его условий. Флуоресцентные лампы гудели, как больные мухи. Этот звук врезался в виски, превращая каждую секунду ожидания в пытку. Я стояла в очереди в кадровый центр на Васильевском острове, сжимая в кармане куртки единственный предмет, который у меня остался от прежней жизни — разбитый телефон. Паспорт? Остался дома. Точнее, в том доме, ключи от которого забрал Виктор вместе с моим чувством собственного достоинства.

— Следующий! — голос оператора был плоским, безликим и абсолютно равнодушным к тому, что перед ним стоит человек, чью жизнь только что переписали другим шрифтом, а не просто очередная безработная.

Я шагнула к стойке. Глотнула воздуха, чтобы успокоить сердце, колотящееся где-то в горле.

— Мне нужно зарегистрироваться. Срочно. Я арт-директор крупного банка, ищу временную подработку или постоянное место, пока оформляю документы.

Оператор даже не поднял глаз от монитора. Его пальцы лениво постукивали по клавиатуре.

— Документы. Паспорт, СНИЛС, трудовая книжка. Без них система вас не пустит. Это база данных, девушка, а не благотворительная столовая.

— У меня нет при себе паспорта, — сказала я, стараясь говорить сухо, профессионально. Как раньше, когда отчитывала менеджеров за просроченные отчеты. — Он остался... дома. Я могу предоставить копии из архива, если вы дадите мне доступ к внутренней сети для подтверждения личности через биометрию или номер телефона.

Теперь он поднял глаза. В них читалось не сочувствие, а скучное презрение. Типичный взгляд человека, видящего очередную «бедную девочку», которая думает, что её статус важнее правил.

— Биометрия не работает без физического присутствия документа. Охрана, подойдите. Мой желудок сжался в тугий узел. Нет. Только не это.

— Подождите! Я же объясняю ситуацию! Я не вор, я не мошенница! Я просто...

— Вы нарушаете порядок обслуживания клиентов, — перебил оператор, нажимая кнопку под столом. — И пытаетесь ввести систему в заблуждение отсутствием идентификации.

Из-за колонны вышла фигура в черной форме. Широкие плечи, лицо, высеченное из гранита скуки. Он не спросил разрешения, просто положил руку на мой локоть. Его хватка была жесткой, почти болезненной.

— Проходите. Объясните причину отсутствия документов.

Я отдернула руку, но он перехватил запястье. В этот момент внутри меня что-то щелкнуло. Не страх. Ярость. Холодная, звенящая ярость женщины, которую загнали в угол и требуют извинений за то, что она дышит слишком громко.

— Отпустите меня! — мой голос сорвался на визг, противный и жалкий. — Вы не имеете права! Я требую вызвать полицию, если считаете меня преступницей! А пока — уберите руки!

Вокруг зашумели. Люди в очереди перестали смотреть в свои телефоны и развернулись ко мне. Кто-то достал смартфон. Экран засиял белым светом вспышки. Щелчок затвора прозвучал как выстрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.